

Copper-bronze Cat

Добро пожаловать в Абскуриум

18+

Copper-bronze Cat

Добро пожаловать в Абскуриум

<https://litres.ru/74636148>

SelfPub; 2026

Аннотация

Готовы ли вы вырвать у жизни плату, если она решит сожрать вас за так?

Добро пожаловать в Абскуриум — мир, в котором время застыло в дождливой осени, плоть переплетается с «живым» металлом, а земля истекает фиотовой энергией. Здесь личные артефакты куются силой собственной души, а по диким лесам рыщут Ловчие Культа и изъеденные Эфирной Чумой одиночки. Здесь Храм Его — зловещий симбиоз лаборатории и оккультного кошмара — диктует свои правила и готовит инквизицию для прорыва в Верхний мир.

Бывший бандит, бежавший от серости Верхнего мира, Эхрос не просил о спасении. Но когда вежливый бог-ученый Мезель обращает его в хищного эфирнита, требуя плату за жизнь, у Эхроса не остается иного выбора, кроме как собрать собственную стаю из беглецов культа и чистых безумцев, чтобы отбить свою свободу. Но готов ли он пожертвовать ею, когда на кону окажется судьба обоих миров?

Copper-bronze Cat

Добро пожаловать в Абскуриум

Добро пожаловать в Абскуриум

Глава 1: «В поисках спокойствия»

Портал, состоящий из пульсирующего черного дыма и мерцающих просветов бронзы и меди закружил перед Эхросом. Иной мир наконец проявился, открывая путь. Он четко знал, что его там ждет, но это ни сколько не останавливало его. Ни голодное зверье, ни хищные растения, и прочие опасности той стороны не могли сбить его с пути.

Эхрос шагнул вперед.

Черные, пронизанные рыжими всплесками меди клубы густого дыма обволокли его тело. Он глубоко вдохнул, чувствуя внезапную легкость, даже не смотря на тяжелый рюкзак, что давил на плечи. Сделав еще шаг, он закрыл глаза и невольно опустился на колени — переход начался.

Раздался пронизывающий гул, от которого заложило уши.

Из носа потекла струйка кров. Эхрос чувствовал себя так, будто он падает в бесконечную пустоту, но это ощущение было легким и даже приятным. Когда все закончилось, он открыл глаза. Дым рассеялся.

Эхрос сделал первый вдох на другой стороне.

Тишину темного, густого леса нарушали лишь незнакомые песни здешних птиц, а в воздухе витал сладковатый аромат цветов. Он поднялся с колен, тело все еще мелко дрожало после перехода. Времени на отдых не было. Достав из рюкзака топор и спички, он быстро соорудил временное укрытие и развел костер.

Огонь отбрасывало блики на его напряженное лицо. Эхрос все вспоминал друга, что оставил его на самом пороге.

— Друг мой, жаль, что ты сейчас не со мной, — прошептал он поникшим голосом.

Он до крови закусил губу, в глазах застыла боль. Воспоминания нахлынули волной: вот он находит бледное тело. Мысли были громкими и кружились словно виниловая пластинка в проигрывателе, картина гибели застыла перед глазами, испещренная красным, словно на картину плеснули краской. В голове, словно навязчивая мелодия, зазвучали

строки оставленной записки, залитой багрянцем. В памяти послышался резкий металлический запах и то, как отчаянно он прижался к уже холодной шее, пытаясь нащупать пульс, которого, конечно, не было.

В висках невыносимо забило.

Он достал записку из рюкзака, но буквы расплывались перед глазами. Сил прочитать ее еще раз не было. Дрожащей рукой Эхрос бросил сложенный листок в пасть пламени. Наблюдая, как бумага съеживается, чернеет и, превратившись в пепел, растворяется в ночном ветре, он наконец смог немного успокоиться.

Глядя на исчезающие следы прошлого, он вслух поклялся больше не привязываться к людям, чтобы никогда больше не испытывать мучительную боль прощания. Ему хотелось навсегда перестать просыпаться с осознанием серости и тяжести одинаковых, словно кирпичи, дней его жизни. От этой удушающей рутины он и бежал в этот неизведанный и опасный мир. Здесь, он отчаянно, несмотря ни на что, надеялся обрести покой и свободу.

Эхрос застыл, погруженный в раздумья о своем побеге, как вдруг краем глаза заметил что-то неладное. Это был не просто шорох — сама тишина вокруг изменилась, стала

слишком плотной, холодной и зловещей. Внутри что-то отчаянно кричали об опасности, смешиваясь с учатившимися пульсом. Сердце било о ребра, отдаваясь гулким эхом в ушах.

Он резко повернул голову в сторону шороха.

В темени ночи горели два голодных светящихся глаза. Из тени медленно вышла крупная кошка на неестественно длинных, жилистых лапах. Ее шерсть, отливающая влажным блеском графита, была расписана странным узором: угольно-черные стрелки тянулись вдоль позвоночника и сходились у глаз, будто указывая хищнику на цель. Живая тень, созданная для стремительного убийства, что прижавшись к земле, тихо подбиралась к добыче.

Все произошло за секунды.

Словно выпущенная пружина, кошка метнулась вперед. Эхрос инстинктивно взмахнул топором. Лезвие с хрустом вонзилось в длинную лапу твари, но и ее когти успели распороть ему грудь. Жгучая боль пронзила тело. Кошка, не замедляясь, впиалась клыками в руку, которой Эхрос попытался прикрыть шею. Горячая, вязкая кровь брызнула в лицо, заливая глаза.

Собрав остатки сил, он с силой вдарил топорищем по морде зверя, отшвырнув его прочь.

Вскочив на ноги, Эхрос увидел, как зверюга, рыча от ярости и боли, готовится к новому прыжку у самого костра. Одним тяжелым пинком он отправил тварь прямо в бушующий на ветру огонь. Воздух тут же заполнил запах паленой шерсти, раздался пронзительный, наполненный нетерпимой болью визг.

Но голодный хищник и не думал сдаваться.

Охваченный пламенем, он живым факелом снова набросился на свою жертву. Тварь повисла на плечах Эхроса, глубоко вонзая когти в плоть. Задние лапы неистово рвали живот и ноги, в попытках удержаться на его теле. Эхрос пошатнулся. Из глубоких порезов хлестала кровь. Сил сбросить одержимую голодом тварь уже не осталось.

Бессильный, он рухнул на землю, в ожидании последнего укуса. Уставший рык прозвучал у самого уха. Пасть перед лицом раскрылась.

Эхрос закрыл глаза. Мысли мягко пеленала тьма, а боль, обжигающая тело, начала постепенно стихать. В конечном итоге его сознание просто сдалось перестав бороться за

жизнь.

Глава 2: «Правила мира»

Разум был утянут в сон — вязкий и холодный сон.

Эхрос чувствовал теплые прикосновения к ранам. Казалось, что хищник просто начал свою заслуженную трапезу, но боли не было. Мысли затмил низкий давящий гул. Ему отчаянно хотелось проснуться, ведь снаружи пелены гула и сна он чувствовал, как его куда-то тащат. Он представил, что ждет его дальше, и желание наконец вырваться из этого насильного забытья стало невыносимым.

В мыслях билось только одно желание: «жить».

Из раза в раз он представлял, как хищник тащит его в свое логово. Как острые клыки впиваются в его незащищенную плоть. Как это будет отзываться разрывающей, жгучей и сильной болью. Эти мысли разъедали его изнутри, разжигая панику.

Гул в голове усилился.

Вот хищник резко подается назад и с влажным хрустом вырывает из его тела кусок мяса, с которого стекает багря-

нец. В мыслях он отчаянно вопит от боли — всеобъемлющей боли, жгучей и сильной боли. Тут же вспыхнула мысль о долготе трапезы и об агонии. Невероятно долгой агонии, что станет ему пыткой пока хищник с наслаждением жрет его беззащитное тело. Он до ужаса, до беззвучного истошно но крика, боялся сквозь этот сон почувствовать боль.

Мысли стали метаться, как птицы в клетке. В сознании вспыхивали виды изуродованного, поеденного тела. Его тела. Из глубоких ран которого пульсирующими толчками течет густая кровь, пропитывающая остатки его одежды. А рядом — хищник, что жадно и неторопливо, наслаждаясь каждым укусом, пожирает его плоть, не забывая слизывать кровь с кожи.

Измученный собственным сознанием, он сквозь сон он почувствовал, как задрожали пальцы.

Наконец он немного приоткрыл глаза.

Веки были тяжелыми. Хищника рядом не было, а раны, что мгновение назад извергали кровь, исчезли, оставив после себя лишь мучительные воспоминания.

Эхрос чувствовал себя крайне слабо, сознание все еще было в полубреду. Вокруг он увидел какие-то фиолетовые,

будто нарисованные прямо в воздухе, глаза. Все они пристально смотрели прямо на него, отчего чувствовалась тяжесть. Немного повернув голову, он увидел фигуру, чьи крылья перекрывали ему свет. На этом его зрение затмило тени, тяжелые веки закрылись, а сознание снова погрузилось во тьму.

Когда его глаза вновь открылись, образы фиолетовых глаз исчезли, вслед за ними и крылатая фигура тоже пропала.

Едва поднявшись, Эхрос обнаружил себя в лесной глуши. Кругом высилась непреклонная стена из невиданных деревьев. Неустанно шел дождь, смывая кровавый след, что мог стать ему дорогой обратно. Отчаяние тяжелым грузом надавило на разум. Но он взял себя в руки.

Неторопливым размеренным и осторожным шагом, вглядываясь в каждый куст и вздрагивая на любой шорох, Эхрос пошел вперед. Этот мир удивлял своей природой: на пути ему то и дело попадались растения, коих в верхнем мире увидеть бы точно не удалось. Почва под ногами по пути меняла цвет, перетекая из привычной зелени в пятна угольно-черной, дымчато-белой и тускло-латунной травы. В этой странной подстилке мокли диковинные бутоны медных оттенков.

Временами Эхрос замирал, замороженный ландшафтом.

Огромные белые деревья, иссеченные вертикальными черными полосами от корней до самых кончиков ветвей, шумели под каплями дождя тяжелой латунной листвой. Рядом с ними мрачно переплетались лозы других, угольно-черных гигантов с твердой корой. В их древесину, словно капли смолы, были вкраплены темно-янтарные жилы, будто питающие крупные светящиеся цветы того же цвета. На этих же черных переплетениях зрели удивительные плоды — орехи размером с небольшую миску, укутанные в защитную броню из таких же жестких, срученных лоз.

Шел он достаточно долго. Часов не было, и из-за этого время в голове потекло по своему собственному, рваному ритму. В размышлениях о своей злополучной удаче Эхрос вдруг заметил меж полосатых белых стволов смутный силуэт. Замерев, он осторожно выглянул из-за дерева.

Незнакомец виртуозно жонглировал картами прямо в воздухе — зрелище было странным и завораживающим.

Эхрос подался вперед, чтобы рассмотреть фокус получше, как вдруг одна из карт со свистом вонзилась в ствол в паре сантиметров от его головы. Следом еще одна замерла у самого его носа. Она быстро крутанулась в воздухе, словно изучая гостя, и послушно отлетела обратно к владельцу.

— Господин, коли желаете наблюдать, так выходите, не бойтесь! — выкрикнул мужчина.

Эхрос нехотя показал себя. Собрав карты в колоду, незнакомец подошел ближе и широко улыбнулся:

— Здравствуйте! Вижу, вы недавно попали в Абскуриум, раз с таким удивлением смотрите на эфирнита.

Эхрос нервно сглотнул. Первый встречный в этом мире — и явно безумец. Паника еще не утихла, хотя незнакомец выглядел скорее комично, чем угрожающе — на его котелке, обернутом алой лентой, покачивались два золотистых пера, которые при каждом движении нервно подрагивали, словно живые. Сюртук, сплошь покрытый хаотичной вязью фиолетовых узоров и карточных мастей. Из-под рукавов поблескивали черные кожаные перчатки, а из-под пол — темно-фиолетовый жилет. Лицо его венчали остро заточенные усы и борода неестественного красного цвета, которые делали его улыбку хищной и неуместной.

— Ах, где мои манеры... Позвольте представиться, — он изящно снял котелок. — Кастус. Такой же попаданец, как и вы. И, пожалуй, единственный ваш шанс не сгинуть в этом лесу. Я очень рад нашему знакомству.

Пересилив робость и страх, Эхрос протянул руку:

— Эхрос. Взаимно.

Кастус окинул его внимательным взглядом фиолетовых глаз и вдруг осекся.

— Ах, простите, господин! Не признал брата по крови. Вы ведь тоже эфирнит! — он изящно поклонился, прижав шляпу к груди.

— Как вы... — начал было Эхрос, но Кастус мягко перебил его:

— Ваши глаза — мерцание меди на фоне черноты, и прическа. У обычных людей волосы не напоминают ночной космос с россыпью белых звезд. К тому же я чувствую ваш эфир.

Завидев у собеседника смесь удивления и глубокого замешательства, безумный фокусник протянул ему зеркальце. Стоило Эхросу осмотреть свои глаза в отражении, как его рука дрогнула, и зеркальце выпало, конечно же, разбившись на осколки.

— Вижу, господин, вы удивлены. Признаюсь, я тоже был удивлен, когда, как и вы, только познал эфир в своей крови.

— Заметив реакцию собеседника на разбитое зеркальце, безумец с наигранной досадой произнес: — Ах, досада. Но не страшно, это же всего лишь зеркальце. Нет повода для вашего беспокойства, Эхрос.

Не веря отражению, Эхрос быстро схватился за осколок зеркальца, и он, отдавшись жгучей боли, порезал ему руку. Вместо привычной ему алой крови с руки стала стекать медь. Словно замороженный, Эхрос смотрел на рыжий жидкий металл, капающий на темную землю.

Достав из кармана платок, Кастус спешно приложил его к руке Эхроса.

— Не буду спорить, выглядит красиво, но вместо того чтобы любоваться, прижмите платок сильнее. Запах крови словно приглашение на ужин для здешнего зверья. Думаю, нам стоит уходить. Пройдемте же со мной.

— Почему медь? — глухо спросил Эхрос, едва поспевая за фокусником.

— Ох, господин, не путайте кровь с металлом, они похожи только по цвету, — ответил Кастус, не оборачиваясь.

Дорога была витиеватой; местами казалось, что Кастус и

сам не знает, куда идет. Звуки леса вокруг стали казаться громче: вот он слышал хлопот крыльев птицы, сухой хруст ветки позади и спешный, едва слышный, топот. Когда он обернулся, то заметил в кустах быстрое движение.

— За нами кто-то наблюдает, — осторожно сказал Эхрос.

Кастус мельком осмотрелся и вынес свой вердикт:

— Кажется, вы правы. Думаю, вам стоит держаться ближе ко мне. Сейчас начнется шоу! — радостно произнес безумный фокусник, достав карты из рукава.

Из кустов с диким ревом на них набросилась тройка зверей, явно желающих полакомиться бродячими по лесу путниками. Оскалив в безумной улыбке ровные белые зубы, Кастус одним резким взмахом кисти развернул колоду широким веером. Карты, словно пули, со свистом устремились в цель, оставляя за собой узорчатый темно-фиолетовый след. Вычерчивая в воздухе замысловатые узоры, каждая карта полосовала плоть и сухожилия ведомых голодом зверей. Слышался болезненный визг и скулеж. В воздухе витал запах металла.

— Господин Эхрос, смотрите внимательнее! Этот фокус будет быстрым и завораживающим! — произнес Кастус, ко-

гда последняя окровавленная карта послушно прилетела обратно в его ладонь.

Когда Кастус подкинул три карты в воздух, они молниеносно полетели в нападавших, добив искалеченных животных.

— Красиво... — выдохнул Эхрос, глядя, как фиолетовое сияние карт гаснет в руках фокусника.

— Эта красота требует опыта, жертв и эфира, господин, — смахивая кровь с колоды, произнес фокусник. — В руках этого дикого и прекрасного мира жертвой чаще всего становится путник, засмотревшийся на красоты его. Так что будьте осторожны.

Кастус издал короткий злобный смешок, от которого Эхросу стало не по себе. Оставшийся путь до пристанища он шел молча. Множество вопросов крутилось в голове, но задать их он не осмеливался — его пугало безумие фокусника.

— Что же, господин, мы пришли! — радостно сообщил Кастус.

Он указал на небольшой шатер, вышитый такими же узорами, что и его сюртук. Стоял он прямо на поляне, в густых

зарослях черных ягод.

«Будто в цирк приехал», — пробубнил Эхрос под нос.

— А это и есть мой маленький цирк! — радостно произнес Кастус. — Заходите же скорее, дорогой гость!

Вопреки ожиданиям Эхроса, внутри шатер оказался вполне обычным. Никаких причуд или аномалий вроде бесконечных коридоров или подобного не было — лишь густой запах чистой ткани, топленого воска и сушеных трав. В центре стоял небольшой деревянный столик со стульями, никаких излишеств в них не было, ни узоров, ни краски, лишь чистое дерево. На заставленной столешнице теснились металлические кружки, пара воощенных мешочков и подсвечник с остатками свеч, чей воск уже успел застыть на ножке. В уголке уютилась такая же простая, как и стол, небольшая кровать со сбитым ковриком у подножья. Но большее внимание Эхроса привлекли куст полный ягод, прямо посреди шатра и угли костра, над которыми мирно висел чайник.

— Дорогой гость, прошу, присаживайтесь, сейчас я налью нам чая, — предложил фокусник, отодвигая стул. — Знаете, здесь бывает довольно одиноко. Я даже кролика из шляпы достать не могу...

Эхрос присел, чувствуя боль в теле, вероятно, от усталости. Порез на ладони затянулся темно-фиолетовой коркой — похоже, эфиром. После смены цвета глаз и прически это его мало удивило.

Чай, что принес Кастус, был черным как уголь и источал заметный шлейф пара. Раз он сладостным ароматом диких цветов и терпкой якогдно-цитрусовой кислинкой. Стоило ему хлебнуть, как пряный вкус и цветочное послевкусие пробудили в нем воспоминания о походах с Фиделем — тем единственным, что по-настоящему радовало Эхроса в серости прежней жизни. Каждый его день был в точности похож на предыдущий: подъем на рассвете, неблагодарный труд за гроши и изнуряющая рутина. И лишь время с Фиделем разбавляло этот серый холст его жизни яркими красками.

Он словно на миг снова оказался там, у костра. Раньше эти воспоминания согревали его теплотой и уютом, но теперь же несли лишь холод и скорбь. Ему вспомнилось то прекрасное время, когда они, сидя под бескрайним звездным небом, мечтали освободиться от гнета мира, где они были лишь шестеренками.

— Этот мир давно сломан, Эхрос, из него выпадают шестеренки, и эти шестеренки — мы.

Фидель был старше всего на три года, и за свои двадцать три года жизни у него уже появилась прядь седых волос — как знак пережитого. За все время, что они вместе ходили в походы, он научил Эхроса многому, но самым главным было умение терпеть, хранить надежду и никогда не сдаваться. Для него он был не просто другом, но и наставником: строгим и требовательным, но порой чересчур заботливым.

В тишине шатра Эхрос вдруг вспомнил, как лихорадочно блестели глаза друга, когда тот давал последнее обещание, задумчиво поглядывая на пламя гаснущего костра.

— Я найду выход, обещаю. Только помни: когда будешь уходить, не оглядывайся на прошлое, иначе начнешь ломаться. А если ты уже сломан, то даже иной мир тебе не поможет.

Только сейчас, под стук начавшегося дождя, Эхрос по-настоящему осознал смысл этих слов. Ему стало ясно, почему Фидель оставил его именно тогда — на самом пороге.

— Дорогой гость, что с вами? Вы же сейчас чашку раздавите!

Неожиданный окрик Кастуса вырвал Эхроса из оцепенения тяжелых дум. Он вздрогнул. Его руки до белизны костяшек, словно тиски, сжимали фарфоровую чашку. Фокусник

подался вперед, упившись в Эхроса внимательным взглядом своих фиолетовых глаз. Он ожидал ответа. Дрожащими руками гость вернул чашку на стол, немного расплескав содержимое. Взгляд застилали невольно появившиеся слезы, которые он поспешно вытер рукомой, но это лишь подогрело интерес Кастуса.

— Господин, что же вы так потускнели, словно яркая картина, которую забыли на солнце? — фокусник задумчиво поправил острый ус. — Вы же все-таки в цирке! Здесь не место грусти и печали.

Сделав глубокий вздох, Эхрос немного успокоился:

— Простите. Я немного задумался о прошлом...

Забрав со стола карты, Кастус неторопливо прошел к выходу и жестом пригласил гостя с собой.

— Я понимаю вас. Счастливое прошлое так и манит вернуться, обещая покой, а может, даже и утерянное счастье, коего нет в этом больном настоящем. Но каких фокусов ни твори, туда не вернуться.

Он привычно стал тасовать колоду, и сухой шелест карт звучал в унисон с его словами.

— Подумайте лучше о будущем. Как бы вы ни попали в Абскуриум, разве это не шанс? Шанс начать создавать новые прекрасные воспоминания, что перекроют всю боль прошлых потерь?

Когда они вышли, на улице все еще моросил дождь. В каплях его видна была фиолетовая дымка — будто сама земля истекала энергией, которую прозвали здесь эфиром.

— Видите, господин? Завораживает, правда? — Кастус прищурился. — Земля выпускает свою кровь на поверхность, чтобы живые твари могли жить. Ибо любой, в ком отныне течет эфир, без него обречен на смерть.

Воцарилась мертвая тишина. Вокруг фокусника в безумном танце закружили карты: одни выстроились живым щитом у его груди, другие замерли, нацелившись куда-то вглубь леса.

— Кажется, лес оскалил клыки и выпустил когти. Зайдите, пожалуйста, в шатер, дорогой гость. В этот час быть беде.

Но Эхрос не сделал ни шагу назад. Кастус лишь недовольно цыкнул, когда из кустов вышло существо, больше похожее на механического демона. Его тело покрывал жилет, на-

поминающий чешую из бронзовых шестерен, лязгавших при каждом движении. С плеч свисали медные цепочки с грузиками, мерно раскачивающиеся, словно маятники, отсчитывающие последние секунды перед боем.

На руках виднелись красные рукава рубахи и металлические перчатки цвета темной бронзы. Самое страшное было на голове: на бледной, серой коже, подобно рогам, из лба возвышались плоские черные минутные стрелки. Когда демон стал подбираться ближе, Эхрос разглядел на его рукавах рисунки часовых стрелок и цифр, выполненные бронзой по грубой красной ткани.

Карты вокруг безумца закружили по-бешеному, давая незнакомцу понять: он готов защищаться. Противник уверенно прошел вперед, и тут Эхрос разглядел его глаза. На абсолютно черном фоне вместо зрачков сияли две четырехлучевые звезды с белоснежным центром и латунной обводкой, чьи острия стремились к самым векам.

Фигура достала из внутреннего кармана желета часы на цепочке.

— Вы! Вы не вернете меня в храм! Я не позволю вам остановить мои часы! — прокричал он, и голос его был схож со скрежетом металла.

Незнакомец судорожно щелкнул крышкой. В то же мгновение перед часовым демоном засверкал эфирный щит в виде огромного темно-фиолетового, дымящегося энергией циферблата.

— Ну что ж, достопочтенный, вы сами выбрали путь фокусов с кровью! — с безумным смехом произнес Кастус. — Вы сорвали наше чудесное чаепитие, и теперь вам придется заплатить по счетам. Надеюсь, мое кровавое представление придется вам по душе!

Одна за другой карты с невероятной скоростью устремились в нападавшего. Культист лишь махнул часами, и дымящийся щит расширился, с гулом отбивая атаку назад. Эхрос мгновенно понял: лобовой напор Кастуса лишь впустую тратит силы фокусника. Нужно действовать иначе.

— Кастус, отвлеките его! — крикнул Эхрос, бросаясь в обход.

Фокусник мгновенно сообразил. Он обрушил целый град карт на противника, заставляя того вливать все больше эфира в щит. Хронофоб зарычал, в звездах его глаз замерцала паника. Под давлением он и не заметил, как несколько карт Кастуса, описав дугу, бесшумно замерли у него за спиной,

прямо у самой земли.

Эхрос выждал момент, когда циферблат, чьи стрелки безумно вращались, дрогнет от натиском фокусника, и с разбега прыгнул. Всем весом он обрушился на эфирную защиту. Щит спружинил, обжигая тело сухим жаром, но под тяжестью «попаданца» на мгновение просел.

— Сейчас! — заорал Эхрос.

Кастус щелкнул пальцами. Карты, замершие за спиной культиста, рванулись вперед, подсекая ему ноги. Хронофоб вскрикнул, теряя равновесие, и рухнул на колени. Артефакт выскользнул из его ослабевших пальцев и отлетели прямо к ногам Эхроса. Эфирный щит мгновенно погас.

Но культист не сдался. С безумным криком он выхватил длинный боевой нож.

— Я не позволю вам... забрать мое время! — взвыл он, кинувшись на Эхроса.

Тот инстинктивно потянулся к лежащим на земле часам, надеясь прикрыться ими, как щитом.

— Не троньте! Они выжгут вас изнутри! — взревел Ка-

стус.

Но было поздно: Эхрос уже поднял артефакт. В тот же миг он почувствовал, как медь в его венах закипела. Часы отозвались мелкой дрожью и жаром. Обычным эфирнитам не дано использовать чужие артефакты безнаказанно — от одной лишь попытки они лишились бы чувств от эфирного истощения, ведь чужой предмет стал бы беспощадно выжигать их суть.

Но вопреки всему, Эхрос выстоял. Он ощутил, как его энергия проходит сквозь механизм ровным потоком, создавая перед ним ярко-красный щит-циферблат. Стоило металлу ножа встретиться с преградой, как вся мощь удара отразилась обратно с удвоенной силой. Клинок со свистом отлетел в чашу, а демон с металлическим грохотом шестерен рухнул на землю у подножия дерева.

Тишина, воцарившаяся после удара, была почти осязаемой. Кастус замер с занесенной рукой, его карты медленно осыпались на мокрую траву. Беглец у дерева тяжело, надрывно хрипел: от него исходил громкий скрежет, в минутные стрелки рогов мелко подрагивали. В груди Эхроса стало невыносимо жечь, тело будто налилось свинцом — он использовал слишком много эфира.

— Невозможно... — прохрипел культист, поднимая взгляд на Эхроса. Его глаза-звезды мерцали в ужасе и благоговении. — Ты... ты не выгорел. Ты пропустил свой эфир через них и не выгорел... Кто ты?

Кастус наконец обрел дар речи. Он поправил котелок, хотя рука его заметно дрожала.

— Господин Эхрос, я теперь сомневаюсь, кто из нас настоящий фокусник. Вы остались живы! Это... это было самое жуткое и прекрасное шоу в моей практике.

Эхрос не слушал. Он смотрел на часы в своей руке: питать их своим эфиром он перестал, но они все еще были теплыми и немного дрожали. Затем он перевел взгляд на поверженного врага. В нем не было злобы — только бесконечная усталость, хорошо знакомая и самому Эхросу.

Медленным, уверенным шагом он подошел к незнакомцу. Кастус дернулся, готовый метнуть карту, но Эхрос оставил его жестом. Он опустил перед хронофобом и протянул ладонь, в которой держал часы.

— Держи. Ты ведь из-за них так дрожишь? — тихо сказал Эхрос.

Беглец замер. Его механические пальцы судорожно дрогнули — он отказывался верить собственным глазам.

— Ты... отдаешь их? После того, как подчинил? — в скрежещущем сталью голосе демона читался целый букет эмоций: от удивления и благодарности до затаенного страха и видимого дискомфорта.

— Мне не нужно чужое время, — тихо ответил Эхрос, вспоминая слова Фиделя. — У меня и своего-то почти не осталось.

Дрожащей рукой культист бережно забрал артефакт. Стоило часам коснуться его серой кожи, как он судорожно выдохнул, и его плечи расслаблено опали.

— Простите... — прошептал он, закрывая глаза-звезды. — Я принял вас за ловчих Храма. Кастус... ваша агрессия лишь подтвердила мои опасения. Я беглец. Я предал Культ Его, и теперь за мою голову Первый назначил награду. Пожалуйста... не прогоняйте меня. Если я останусь один в этих лесах, Крестоносцы или Каратели остановят мое сердце так же легко, как стрелки на циферблате.

Кастус презрительно фыркнул, но убрал оставшиеся карты в рукав.

— Ну что ж, господин Эхрос, поздравляю. Теперь в нашей скромной компании появился ходячий часовой механизм с хронофобией, — съязвил безумец, неторопливо отхлебывая чая из чашки, что непонятным образом вновь оказалась в его руках. — Чудесное завершение чаепития, не находите?

Глава 3: «Взор Его»

В шатре стояла тяжелая тишина. Лишь дождь мерно бил по ткани шатра, да потрескивал костер, давая тепло. Культист сидел на полу в углу шатра, дрожа и прижимая свои часы к груди так сильно, будто это его собственное сердце.

— Как твое имя, беглец? — спросил Эхрос, чувствуя недомогание и жжение в груди.

Хронофоб вздрогнул. Дрожь прошла по всему телу отозвавшись жалобным скрежетом шестерен.

— Я... я уже не помню его, — он помялся и посмотрел на часы, его глаза-звезды блеснули. — Первый лишил меня имени и прошлого.

От слабости, Эхрос присел рядом. Его плечо случайно задело свисающие на цепочках маятники, и хронофоб испу-

ганно дернулся.

— Значит, будешь Хроном, — с мягкой улыбкой произнес Эхрос, осторожно поймав раскачивающиеся маятники, останавливая их ход.

Хрон кивнул, принимая свое новое имя как первый дар свободы.

Кастус молча стоял у входа, погруженный в тяжелые думы. Его прежняя игривая улыбка бесследно исчезла, уступив свое место суровому, гранитовому лицу, а фиолетовые глаза заметно потускнели.

— Послушай, беглец, — его голос был резким, почти агрессивным, — ты ведь знаешь больше нашего. Объясни, что происходит в этом проклятом Культе? Кто этот Бог, что распустил свои глаза по всему этому миру?

Едва заслышав про глаза, Хрон свернулся в ком. Маятники ударились о жилет, и шестерни издали жалобный звон. Было видно: вспоминать служение Культуре ему было больно.

— Я... я ничего не знаю... они и сами не знают... все просто работают... — На миг он затих и замер. — Там... в храме... везде глаза, и непонятно, какие принадлежат Ему, а ка-

кие просто нарисованы... и в кузнях... так же — перейдя на хриплый шепот, произнес Хрон.

Перед внутренним взором Эхроса вновь застыл силуэт с крыльями, что перекрывали ему солнце и поем парящих глаз вокруг него. Он невольно коснулся груди, вспомнив, как десятки тяжелых взглядов приковали его к земле, сменяя смертельный холод странным, пугающим теплом.

— Я... я видел их, — глухо произнес Эхрос. — Они зависли надо мной прямо в воздухе, когда я умирал. И когда десяток глаз стали смотреть на то, как я угасаю... ко мне подошла крылатая фигура... она и спасла меня.

Колода карт, не издав ни звука, выскользнула из дрожащих рук Кастуса. Хрон испуганно отпрянул в сторону, словно Эхрос стал опасен.

— Господин... — голос фокусника дрогнул сорвавшись на шепот. — Неужели вы помечены Им?

— Он не помогает просто так... он увидел в ваш ценность... отныне, вы лишь инструмент в его руках, — дополнил хронофоб, забиваясь в самый дальний угол шатра.

Эхрос посмотрел на свои руки. Перевел взгляд на фокус-

ника, чье лицо отражало тихий ужас. На беглеца, что сидел вжав голову в ноги. В голове закрутились тусклые, словно фильм на пленке, воспоминания о серости его прежней жизни и слова Фиделя.

— Значит, инструмент? — Эхрос медленно встал, игнорируя обжигающее жжение в груди. Его голос прозвучал на удивление твердо, перекрывая шум ливня. — Значит, эта крылатая тень решила, что выкупила у меня жизнь?

В памяти, пробиваясь сквозь пелену боли, вспыхнул хриплый голос Фиделя. Он слышал его отчетливо, словно друг стоял за спиной у догорающего костра: «Жизнь жрет нас за так, Эхрос. Она не смотрит на достижения, мечты и прочее, и в лучшем случае заплатит лишь гроши. И только смерть в конечном итоге воздаст нам по заслугам вдоволь. Так борись же! Борись, чтобы и у жизни вырвать плату!»

Эхрос сжал кулаки так, что медь в венах отозвалась яростной пульсацией.

— Я бежал из одного ада не для того, чтобы стать марионеткой в другом. Раз этот мир хочет сожрать меня — пусть давится! Я буду бороться. Бороться, чтобы и эта жизнь начала мне платить.

Кастус медленно собрал колоду с пола. Его маска безумного фокусника на миг дала трещину, открыв нечто похожее на сомнение.

— Громкие слова для того, чья кровь еще не остыла после первой схватки, — тихо заметил он, привычным жестом пряча карты в рукав. — Но в этом цирке мне определенно нравится этот новый акробат. Посмотрим, господин Эхрос, какой выкуп вы сможете вырвать у злого рока.

Фокусник уверенно подошел ближе, в его фиолетовых глазах горели азарт и любопытство. На лице растянулась прежняя улыбка — не добрая, скорее хищно безумная.

— Идти в одиночку против Его взора — верное самоубийство. Но идти рядом с тем, на ком лежит Его метка... о, это представление я пропускать не собираюсь. Считайте, что я ваш первый союзник в этом безумном походе.

Хрон поднялся с колен в углу, перестав тихо бредить себе под нос. В звездах его глаз зажглась холодная и тусклая надежда. Он расправил плечи, и медные цепи на его груди звякнули в унисон.

— Господин, я готов идти за вами, — голос его звучал как слаженная трель множества часовых механизмов. — По-

мощь вам, поможет искупить мои грехи.

Эхрос коротко усмехнулся. Обжигающая боль в его груди сменялась жаром азарта.

— Что ж, решено. Мы будем бороться, господа! — твердо произнес он, и в тишине шатра это прозвучало как смелый вызов самому Богу этого мира.

Глава 4: «кровь и предсмертная слеза»

Ночь в Абскуриуме была темной и зловещей. Лес наполнился какофонией звуков: от убаюкивающего, почти гипнотического пения до утробного скрежета и далекого рева, от которого вибрировала сама почва. Кастус вышел на середину поляны. Его карты больше не лежали в рукавах — они вились в воздухе, вычерчивая вокруг него и Эхроса сверкающую восьмерку, символ бесконечности. Эфир пульсировал в ожидании боя.

— Итак, господин Эхрос, прочувствуйте мое мастерство. Смотрите внимательнее, я не буду сдерживаться! — Его улыбка в свете костра казалась хищным оскалом. — А ты, Хрон, постарайся не умереть в процессе этого фокуса. Шоу не терпит лишних трупов!

Хрон лишь сухо лязгнул шестернями и щелкнул крышкой своих часов, засекая время. В его глазах-звездах застыло беспристрастное ожидание. В то же мгновение вся колода взмыла в черное небо. Карты ушли так высоко, что Эхрос на миг потерял их из виду, но тут же небо «обрушилось». Каждая карта превратилась в разящий клинок.

Эхрос вскинул руки, чувствуя, как медь в венах начала вибрировать. Первые три карты он перехватил почти инстинктивно, а затем резким рывком отправил обратно в фокусника. Кастус расхохотался, уклоняясь от собственного оружия изящным пируэтом.

— Медленно, господин Эхрос! Слишком медленно!

Две карты, словно бритвы, полоснули новичка по щекам, оставляя медные дорожки крови. Еще одна целилась точно в горло, но Эхрос ловко перехватил ее пальцами. Тренировочный бой превратился в безумный вихрь. Несколько карт, отрикошетив от незримых преград Кастуса, со свистом улетели в сторону Хрона. Тот даже не шелохнулся: за мгновение до контакта перед ним вспыхнул крохотный фрагмент циферблата, и карты с жалобным звоном вернулись к месту жаркой битвы.

— Не отвлекайтесь на зрителей! — выкрикнул Кастус, об-

рушивая на Эхроса целую лавину глянцевого смертоносного металла.

Почти половина колоды теперь была под контролем Эхроса — он ловил их на лету, черпая силу из собственной ярости. В голове вспыхнула идея: необычная, рискованная, абсолютно безумная. Он отчетливо представил перед собой лестницу.

— Выше! — прорычал он.

Карты, пропитанные его эфиром, послушно выстроились под его ногами, сменяя друг друга с бешеной скоростью. Каждая новая карта подхватывала его подошву прежде, чем предыдущая успевала упасть. Эхрос буквально взбежал по воздуху, замирая над шатром в ореоле дымящего фиолета, меди и искр. Кастус на мгновение замер, замороженный зрелищем сверкающих медных глаз. Этого мига Эхросу хватило: он вложил все накопившееся напряжение в один яростный бросок.

Десятки металлических прямоугольников сорвались с его рук, сливаясь в единый сияющий поток. Два замерли в миллиметрах от глаз, ещё один — у носа, и еще два застыли у самой шеи, будто ожидая команды резать артерии. Последняя ощутимо ударила в грудь, точно в самое сердце, осталь-

ные же облетели удивленного фокусника и вернулись назад к Эхросу.

Завороженный Кастус медленно и осторожно отошел от застывших в воздухе карт. Эхрос притянул их обратно и медленно спустился.

— Дерзко, господин Эхрос, как же это было дерзко и эффектно! А какая у вас наглая, беспардонная и удивительная самонадеянность! — Кастус расплылся в улыбке, в которой промелькнуло уважение и восхищение. — Ваш трюк был просто восхитителен!

Фокусник подошел ближе, и его рука тяжело упала на плечо Эхроса. Взгляд его стал серьезным и впился ему в глаза.

— Но как же дерзко вы отомстили мне за мой грешок при нашей первой встрече. Признаюсь, я даже был несколько напуган вашей местью, — он ненадолго замолчал, крутя острый ус. — А ваша креативность на поле боя просто поражает. Но не обольщайтесь, акробат, это была лишь разминка перед настоящим шоу.

Кастус медленно отошел, оставив карты Эхросу.

— Ну что же, Хрон, теперь твоя очередь. Только не сдер-

живайся: как видишь, сил у меня в достатке, — уверенно сказал Эхрос, крутанув картами в воздухе.

— Как пожелаете, господин, — голос Хрона прозвучал как бой маятника, четко и уверенно.

Хрон вышел на поляну, его глаза-звезды вспыхнули, и в тот же миг реальность вокруг него подернулась дымкой. Стоило Эхросу веером метнуть первые карты, как силуэт беглеца размылся, превратившись в едва уловимую тень. Раздался звук, напоминающий щелчок часовой стрелки, и Хрон возник в пяти шагах в стороне. Это не был бег — он словно проскользнул сквозь пространство, оставляя за собой лишь едва заметный узорчатый фиолетово-черный шлейф.

Эхрос метнул целый рой карт на опережение, но это не остановило приближение оппонента. Когда Хрон совершил очередной рывок, стремясь подойти вплотную, Эхрос не стал уворачиваться привычным способом. Он представил, как его тело становится невесомым дымом, как он резким рывком заходит за спину Хрону. Мир на долю секунды смазался. Эхрос почувствовал резкий толчок воздуха, и в следующее мгновение он действительно оказался позади Хрона. Ребро ладони беглеца, нацеленное в плечо Эхроса, рассекло пустоту.

— Неплохо, — произнес Хрон. — Сразу повторить технику эфирного рывка...

Звезды в глазах Хрона сверкнули, и ночную тишину пререзал резкий щелчок его часов. Перед лицом Эхроса неожиданно появился дымящийся циферблат. Хрон, не теряя ни минуты, одним резким размашистым движением обрушил ребро своего щита на оппонента. Удар пришелся в грудь, задев нос. Эхрос отлетел назад, пропахав землю под ногами в попытке не упасть.

— Деритесь, господин! — В глазах Хрона тоже заиграл азарт, затуманивающий разум; голос теперь звучал как паровой двигатель вышедший на рабочие обороты.

— Ну раз ты этого так хочешь... — проревел Эхрос в ответ, вытирая хлынувший из носа ручеек меди.

Карты со свистом рванули ввысь, закручиваясь стальным вихрем над головой Хрона. Тот тут же вскинул щит вверх, готовясь к обстрелу, но открыв тело для ближней атаки. В один рывок Эхрос оказался вплотную к Хрону. Его кулак, усиленный инерцией рывка, метил в плечо оппонента.

Раздался гулкий, торжественный звон колокола. Кулак Эхроса встретил не мягкую плоть, а еще один малый цифер-

блат, возникший в миллиметрах от цели. Хрон лишь слегка повел плечом, гася инерцию атаки. Эхрос отшатнулся с благом матом сквозь зубы от резкой боли, прошившей суставы. Костяшки пальцев онемели, будто он со всей силы ударил по гранитной плите.

— Господин, не желаете ли сдаться? Или вы думаете, что я предугадаю ваш следующий удар? — со средечушим смешком произнес Хрон.

— Не дожدهшься, черт механический! — глаза Эхроса предупреждающе сверкнули медными искрами.

Хрон не заставил себя ждать. Он рванулся вперед, и его огромный эфирный циферблат, гудящий от избытка энергии, понесся прямо в тело Эхроса. Воздух перед щитом уплотнился, обещая сокрушительный удар. Но Эхрос не отступил. Он вскинул руки, и десятки карт, повинувшись его яростному импульсу, мгновенно сплелись в плотный чешуйчатый щит. Стоило циферблату Хрона ударить в эту преграду, как он тут же с силой отпружинил назад. Эфир Эхроса, подпитанный его сильнейшим упрямством, сработал как пружина, оттолкнув чужую атаку обратно.

Циферблат Хрона с визгом отлетел в сторону, на мгновение дезориентировав беглеца. Этого мига хватило. Эхрос

вложил всю оставшуюся силу и нанес сокрушительный удар снизу вверх. Кулак, окутанный фиолетовой дымкой, врезался точно в челюсть Хрона. Грохот удара был таким сильным, что минутные стрелки его рогов зашлись в бешеной вибрации, издавая тонкий, мучительный звон камертона.

— Довольно игр! — его голос срывался в рев сотен шестеренок.

Он сделал резкий выпад, и малый циферблат стремительно понесся в Эхроса, точно циркулярная пила. Тот едва успел уклониться рывком, как тут же щит побольше отбросил его на несколько метров назвд. Взревев, как раскаленный двигатель, Хрон рванулся вперед. Его окутал плотный дым черно-фиолетового эфира, а огромный циферблат понесся на Эхроса словно таран. Удар метил точно в живот, но Эхрос в последний миг рухнул на землю. Тяжелый эфирный щит пролетел в паре сантиметров над ним, обдав лицо горячим воздухом.

Хрон, не теряя инерции, тут же обрушил его вертикально вниз. Грохот оглушил: Эхрос едва успел вновь выставить чешуйчатую преграду из карт. Культист неистово давил на своего оппонента циферблатом. Воздух между ними задрожал.

— Ты проиграл, рогатый! — прохрипел Эхрос сквозь

стиснутые зубы.

Резким движением он выбросил ногу, подсекая Хрона. Тот, увлеченный собственной мощью, упустил момент, теряя опору. С тяжелым металлическим звоном он рухнул на колени, а его щит мгновенно развеялся. Эхрос навис сверху, занеся рой карт над головой противника. Хрон зажмурился, втянув голову в плечи в ожидании последней атаки. Его латунные звезды глаз на миг погасли, обнажая обычный человеческий страх.

Секунды растянулись, как густое машинное масло. Но вместо сокрушительного финала Хрон почувствовал, как жар чужого эфира отступает. Собрав карты в колоду, Эхрос вытер медь с разбитого лица и протянул руку своему противнику, чтобы помочь встать.

— Достаточно, — выдохнул он, и в его голосе больше не было ярости. — Бой окончен, Хрон. Ты проиграл.

Хрон принял руку, тяжело поднялся и, коротко кивнув, направился к шатру. Его механизмы работали глухо, почти смиренно.

— Поздравляю, господин, вы проявили себя превосходно!
— Кастус негромко похлопал в ладоши.

В следующее мгновение фокусник и беглец обменялись коротким, странным взглядом. В глазах Кастуса, устремленных на Эхроса, вспыхнуло нечто хищное, лишенное всякой человеческой теплоты.

— Только вот в настоящем шоу, — вкрадчиво начал Кастус, — поодиночке не выступают.

— Вас ждет финальный акт, — подхватил Хрон. Его голос теперь вибрировал пугающей четкостью метронома. — Мы — охотники. Вы — добыча. Если до рассвета мы вас не настигнем — вы победили.

Эхрос почувствовал, как вдоль позвоночника пополз липкий холод.

— Ребят, вы чего?.. — Его голос дрогнул, но вместо ответа Кастус изящно вскинул руку.

Колода, подчиняясь беззвучному приказу, мгновенно вернулась к хозяину. Лишь одна карта осталась парить в воздухе, острым углом указывая в сторону непроглядной чащи леса.

— Охота началась! — с безумным хохотом выкрикнул Ка-

стус. — Время бежать, господин добыча!

Эхрос сорвался с места, оставив за собой лишь шлейф патины на примятой траве. Сердце забилося о ребра, как пойманная в силос птица. Это больше не было похоже на дружеский спарринг — воздух за спиной стал невыносимо ледяным, пропитанным жаждой крови и азартом преследователей.

— Беги же, беги! — донесся из темноты надрывный, лишенный человечности смех Кастуса. Это был хохот безумца, который наконец нашел себе очередную игрушку.

Лес стал для Эхроса бесконечным лабиринтом. Он бежал, не разбирая дороги, лишь бы оторваться от охотников. Ветки хлестали его лицо и тело, оставляя полосы ссадин и ушибы, но он не чувствовал боли — лишь леденящий кровь ужас. За спиной раздался сухой, трескучий рев Кастуса:

— Плохо, господин добыча! Вы слишком шумны, словно сами хотите быть растерзаны! Хватит уже бежать, как раненое животное! Так будет слишком скучно!

В ту же секунду воздух слева от Эхроса засвистел. Тонкая, как бритва, карта прошила рукав куртки, оставив на плече длинный горячий порез. Медная кровь брызнула на кору де-

рева. Эхрос вскрикнул, споткнулся о корень и кубарем покатился по склону, задыхаясь от паники.

— Минуты задержки могут стоить жизни, — раздался над самым ухом хищно механический, скрежечущий голос Хрона.

Эхрос рванулся в сторону, не видя ничего от страха. Но пространство впереди предательски загустело, и раздался механический щелчок. Эхрос попытался затормозить, но поскользнулся на влажной земле. В тот же миг над ним пронесся малый циферблат. Не успел Эхрос подняться, как над ним засверкали две хищные звезды. Огромный щит-циферблат блеснул в руках преследователя. Эхрос попытался откатиться в сторону. С гулким звоном щит обрушился рядом, задев бедро и заставляя Эхроса болезненно вскрикнуть от тупой боли.

— Пожалуйста... хватит! — прохрипел Эхрос, вытирая кровь с лица.

— Хватит? Шоу только начинается! — Кастус возник на ветке над ним. Лицо фокусника в лунном свете казалось застывшей маской маньяка, зрачки расширились, поглощая радужку. Он упивался этим страхом. — Дайте мне еще немного эмоций! Покажите, как же сильно вы хотите

жить!

Новый рой карт дождем посыпалась сверху. Эхрос рванулся в сторону, но одна из них порезала икру. Резкая боль прошла ногу, заставив его взвыть. Он полз, цепляясь за скользкую от дождя землю и корни, чувствуя, как охотники медленно сужают круги. Они не торопились добивать его — они играли с ним, как коты с загнанной мышью.

— Десять минут до рассвета, — проскрежетал Хрон, и звук его механизмов теперь напоминал голодное урчание. — Вы замедляетесь, господин добыча.

Паника окончательно ослепила Эхроса. Забыв обо всем, он просто бросился вперед сквозь густые заросли колючего кустарника, не чувствуя, как шипы рвут одежду и кожу. Впереди, через хищные заросли, слабо пробивался свет. С диким криком, больше похожим на всхлип, Эхрос вывалился из кустов и, не удержав равновесия из-за раненой ноги, кубарем выкатился на небольшую, залитую предрассветным туманом и светом поляну.

Тяжело дыша, он замер на четвереньках, склонив голову к земле. Сердце било о ребра так, что, казалось, сейчас сейчас сломает их.

Тишина навалилась внезапно, давя на уши сильнее, чем его недавний крик. Эхрос медленно обернулся. У края леса, откуда он только что выбежал, из тени медленно выступил Кастус. Он лениво тасовал колоду, и сухой металлический шелест карт в этой тишине звучал как скрежет ножа по камню.

Эхрос резко развернулся в противоположную сторону, надеясь найти путь к отступлению, но замер. На другом конце поляны, преграждая путь вперед циферблатом, неподвижно стоял Хрон. Его часы в руках мерно тикали, отсчитывая мгновения, звезды в глазах светились холодным беспощадным светом, а эфирный щит блистал как лезвие гильотины. Эхрос сам загнал себя в ловушку.

Сломленная усталостью и страхом, «добыча» упала на колени в самом центре поляны. Сил бежать больше не было, легкие болели, а медь, сочившаяся из ран, пачкала примятую траву. Он прижал ладони к земле, пытаясь унять дрожь, но пальцы лишь беспомощно зарывались в нее.

Из лесной тени, плавно и синхронно, вышли преследователи. Они не спешили. Кастус подбрасывал в руке одну-единственную карту, и ее металлический шелест в тишине утра бил по ушам не хуже грома. Хрон шел с другой стороны, его маятники выстукивали медленный рваный ритм.

— Посмотрите на него, Хрон, — вкрадчиво произнес фокусник, не сводя с Эхроса расширившихся безумных зрачков. — Наш великий победитель. Наш «лидер». Теперь он больше похож на побитого щенка, чем на того, кто смеет указывать нам путь.

— Он был слишком самонадеян, — отозвался Хрон, и в его голосе лязгнула сталь. — Он думал, что победа дает ему право на пощаду. Ошибка. Механизм, который возомнил себя главным, должен быть откалиброван... или сломан.

Они начали обходить Эхроса по кругу, сужая кольцо с каждым шагом. Кастус хищно скалился, Хрон сверкал холодными звездами глаз.

— Какое наказание выберем за его дерзость? — Кастус наклонил голову, имитируя раздумье. — Может, лишить его пары пальцев? Чтобы карты больше не слушались его рук?

— Или сломать ему ребра, — предложил Хрон, делая шаг ближе, — чтобы почувствовал, как его время утекает и медленно стынет его медь.

Кольцо смыкалось. Эхрос чувствовал, как пространство вокруг него сжимается, становясь плотным и ледяным. Па-

ника, дошедшая до предела, выплеснулась в отчаянном рывке.

— Нет! — вскрикнул он и, рванувшись с колен, попытался проскочить в единственный просвет между охотниками.

Но реальность впереди с щелчком часов мгновенно подернулась маревом патины. В один рывок Хрон возник из ниоткуда, перекрывая путь щитом. Тяжелая рука в медной перчатке мертвой хваткой вцепилась Эхросу в плечо, вминая его обратно в землю. У самого кадыка сразу же зависла карта, ожидая приказа резать. Фокусник оказался за спиной, его ледяное дыхание коснулось затылка «добычи».

— Занавес, господин добыча, — с холодным смешком сказал безумец, и острая карта коснулась его шеи. — Ваше шоу окончено.

Эхрос замер, чувствуя, как ледяная сталь карты впивается в кожу. Сердце в груди совершило последний отчаянный удар, что отозвался болезненным уколом, и, казалось, остановилось. Он был загнан, раздавлен и предан. Бессилие перед мощью этих двоих накрыло его удушливой волной. По грязной, исцарапанной щеке, смешиваясь с медной кровью, медленно скатилась одинокая слеза.

Эхрос зажмурился, в голове пронеслась одна лишь фраза Фиделя: «Если когда-нибудь смерть застанет тебя врасплох, не бойся последней тьмы, Эхрос. Смерть — это не поражение шестеренки, это момент, когда она наконец перестает скрипеть от боли. Если жизнь так и не заплатила тебе даже гроша, то покой станет твоей единственной и самой честной наградой от смерти. Просто закрой глаза и позволь этому миру исчезнуть, чтобы окунуться в тишь и покой».

Весь мир сжался до точки боли, которую он ожидал почувствовать в следующую секунду. «Пусть будет быстро», — пронеслась в голове последняя горькая мысль. Секунды стали тянуться как тугая пружина. Но вместо холодного реза карта вдруг вернулась к владельцу, а следом раздался звонкий щелчок по носу.

— Ауч! — невольно вскрикнул Эхрос, распахнув глаза от неожиданности.

Над ним стоял Кастус. Безумный блеск в его глазах мгновенно сменился привычным лукавым прищуром.

Фокусник весело крутил карту между пальцев, а Хрон, все еще сжимавший плечо Эхроса, ослабил хватку и издал звук, подозрительно похожий на сухой механический смешок.

— Что ж, господин добыча, наша маленькая охота кончи-

лась! — Кастус расплылся в широкой и нелепой улыбке. — Можете считать это моим официальным взысканием за то, что нагло напугали меня в спарринге.

Хрон отпустил плечо и медленно отступил, убирая часы в карман.

— Наказание исполнено, — проскрежетал он, и в звездах его глаз больше не было жажды убийства. — Страх — лучший и самый честный учитель для того, кто слишком быстро уверовал в свою непобедимость.

Эхрос сидел на траве, жадно хватая ртом воздух и не веря, что все еще жив. Медь в его венах постепенно остывала, оставляя лишь звенящую пустоту.

— Вы... вы просто издевались надо мной? — прохрипел он, чувствуя, как ужас сменяется дикой, опустошающей яростью.

— Издевались? О нет, господин, мы вас закаляли! — Кастус театрально всплеснул руками, и колода карт послушным веером втянулась в его рукав.

Эхрос смотрел на них снизу вверх, сжимая кулаки так, что костяшки побелели. Ярость душила его, мешая дышать. Он

чувствовал себя униженным, растоптанным, превращенным в игрушку для двух безумцев.

— Закаляли?! — вскрикнул он, с трудом поднимаясь с колен. Ноги все еще подгибались. — Вы охотились на меня, словно голодные хищники! Я чувствовал вашу жажду моей крови!

— Если бы мы по-настоящему хотели вашей крови, господин добыча, вы бы сейчас не говорили. — Холодно отрезал Кастус. — Но ваша паника... она была подлинной. Теперь вы почувствовали, как дорого стоит каждый ваш вдох. В следующий раз, когда на вашей шее будет холодная рука смерти, вы вспомните этот момент. Вы поймете, что ваша жизнь — это не просто дар, а ставка в предстоящей борьбе, которую вы обязаны защищать любой ценой. Каждая рана и пролитая вами кровь — это плата, и теперь вы знаете, насколько она высока, чтобы не отдавать ее даром.

Кастус подошел ближе и, вопреки недавней жестокости, осторожно протянул Эхросу чистый платок.

— Выкуп у рока, помните? — вкрадчиво начал фокусник, слизывая каплю меди с карты. — Рок берет плату трудом и кровью, господин. Считайте, что сегодня вы заплатили сполна.

Эхрос смотрел на протянутую ткань. Его пальцы дрожали, зарываясь в холодную землю, но внутри, в самой глубине души, что-то окончательно закристаллизовалось и похолодело. То, что всегда пытался взрастить в нем Фидель. Секунду он медлил, а затем, вместо того чтобы взять платок, совершил резкий, ломаный рывок вперед.

Кастус не успел среагировать — он уже был расслаблен, наслаждаясь своей ролью наставника. Пальцы Эхроса, липкие от меди, мертвой хваткой вцепились в его горло. Единственная карта, подчиняясь не технике, а бешеному животному порыву, со свистом вспорола воздух. Она прошла в миллиметре от глаза Кастуса, оставив медный след на его ухе, и, отрикошетив от его собственного щита, порезала Хрону руку, сжимающую часы.

На поляне повисла густая, мертвая тишина.

— Сегодня я заплатил вам сполна, — голос Эхроса прозвучал низко и пугающе твердо.

Он разжал пальцы, и Кастус невольно отступил на шаг назад. Эхрос поднял окровавленную карту и протянул ее фокуснику вместо платка. По металлу медленно ползла тяжелая капля чужой крови.

— Урок усвоен. Я узнал цену своей меди. Но запомните: в следующий раз я возьму с вас не только порезами.

Он заставил себя смотреть прямо в расширенные зрачки фокусника, не отводя взгляда. Кастус медленно поднес ладонь к порезанному уху, коснулся раны и посмотрел на медное пятно на пальцах. Секунда. Две.

— Достойно, господин, — вполголоса произнес Кастус.
— Вы не просто огрызнулись. Вы еще и забрали свою сдачу.

Фокусник медленно склонил голову. Это не был театральный поклон — это был жест хищника, признавшего равного.

— С сегодняшнего дня, господин, моя воля признает вашу, — спокойно произнес Хрон. Звезды его глаз светились теперь иначе — ровно и глубоко. — Я не мог слепо идти за вами лишь из-за вызова Ему. Я должен был убедиться в твердости вашего духа.

— Теперь мы знаем, что идем не за шутком, бросающим слова на ветер, — Кастус стряхнул кровь с карты. — Страх стал вам лучшим и честным учителем. Даю вам слово: мы будем служить вам верой и правдой.

Оба охотника одновременно протянули руки своей недав-

ней «добыче», помогая Эхросу подняться с колен.

— Поднимайтесь же, господин антрепренер! — произнес Кастус уже без тени издевки. — Я жду объявления начала настоящего шоу!

— Вставайте, господин Эхрос, — эхом отозвался Хрон. — Я жду ваших указаний.

Эхрос принял помощь, но тут ему в голову пришло холодное озарение: сейчас он не более чем овца в волчьей шкуре. Без собственного артефакта ему никогда не перестать быть добычей, и рано или поздно волки поймут, что под шкурой все еще скрывается слабая жертва с клеймом.

Глава 5: «Прошлое молодого ученого»

Костер мирно потрескивал, выбрасывая в сумерки рожие искры. Над лесом медленно плыли свинцовые тучи, они окончательно вытесняли ночную темень, но не приносили рассветного облегчения.

Эхрос сидел у огня, протянув озябшие ладони к жаркому пламени. В мыслях он снова и снова прокручивал ночную охоту. Стоило на миг прикрыть веки, как кожу вновь обжигало ледяное прикосновение карты. Даже безобидный

шелест листвы теперь казался далеким эхом безумного смеха Кастуса. Они называли это «закалкой», но Эхрос не обманывался: спутники просто упивались его беспомощностью, развлекаясь за счет чужой слабости.

Обратный путь к шатру прошел в тягостном молчании. Лишь шестерни на жилете Хрона монотонно лязгали в такт шагам, пока тот подпирал Эхроса плечом. Он чувствовал эту поддержку, но теперь она казалась обманчивой — словно рука помощи в любой момент могла сжаться на горле.

Внезапно над костром медленно раскрылся эфирный глаз. Эхрос отшатнулся, хотел было закричать, но горло сковало судорогой. Эфир в жилах вмиг превратился в вязкий свинец. Не в силах пошевелиться, путник мог лишь наблюдать. В голове зазвучал голос — звонкий, как скрипка, и ровный, как удары метронома:

— Артефакты куются эфиром, Эхрос. Стоит лишь возжелать. Лишь сильнейшие способны воплотить предмет, отражающий их суть, пропустив свою энергию через кристалл эфира — эфискура. Слабые же выгорают дотла. Кристалл жадно вытягивает из них энергию, не встречая сопротивления, и если эфира в жилах не хватит, эфирнит умрет от истощения.

Глаз резко захлопнулся, оставив после себя фиолетовую дымку. Тело вновь стало послушным, оцепенение спало.

«Стоит лишь возжелать...» — пронеслась в голове навязчивая мысль. Но ее перебил хруст ветки. Из леса вышел некто в плаще, усеянном рисунками фиолетовых глаз.

— Предатель найден! Братья мои, во имя Взора Его — искоренить скверну! — проревел голос из чащи.

Эхрос среагировал раньше, чем осознал эту внезапную угрозу. Тело, еще помнившее ночную охоту и свист карт, само бросилось в сторону. Арбалетный болт с сухим стуком вонзился в дерево там, где мгновение назад была его голова. Кастус и Хрон моментально оказались поодаль, застыв в хищном ожидании.

— Господин лидер, каков будет ваш приказ? — голос Хрона вибрировал, как сотня безумных метрономов, а его движения стали резкими, дергаными, полными подавляющей мощи.

Эхрос вскинул голову. В его глазах больше не было страха — лишь холодная решимость вырвать у этого мира свою плату.

— Начинаем шоу! — выкрикнул он, чувствуя, как медь в жилах начинает греться.

Пока культисты вскидывали оружие, Эхрос рванулся прямо в гущу врагов, не забыв на бего прихватить закипающий чайник. В следующий же момент он выхватил из воздуха пару карты, оставленные Кастусом «на удачу», и наплат их своим эфиром. Карты вспыхнули фиолетовой дымкой с багровыми просветами, готовые резать вражескую плоть.

Одним удачным широким взмахом он сбил прицел второму арбалетчику и запустил в него закопченный сосуд. Тяжелый чайник попал культисту прямо в голову, заставив того взвыть от боли. Не теряя времени, Эхрос полоснул ошпаренному врагу горло. Второй картой Эхрос заблокировал выпад копейщика и подрезал ему ноги.

— Хрон, жди моей команды! Лишим их командования! Кастус, карты мне! — уверенно вскрикнул Эхрос, взбираясь по карточной лестнице.

В один рывок он оказался позади растерянного главаря. Его руки замком сжались на шее культиста, лишая возможности бежать.

— Сейчас вылетит птичка! — яростно выкрикнул Эхрос.

Хрон среагировал мгновенно: его малый циферблат устремился к цели. Сухой оглушительный хруст ребер главя эхом разнесся по поляне. Культист захлебнулся бурлящим от крови криком и рухнул на землю, придавленный весом эфирного щита.

Вскинув пару карт в воздух, Эхрос заметил, как один из копейщиков заносит оружие за спиной Кастуса. Всем нутром он хотел, чтобы безумный фокусник почувствовал то же, что и он сам, когда был «добычей». Но эта мысль сразу же отступила, оставив месте лишь холодности.

— Каст, сзади! — закричал Эхрос, на отмашь обрушивая карты на копейщика.

Копье, готовое исподтишка вонзиться в спину фокусника, выпало из рук. Фанатик даже не успел ничего понять, как в ту же минуту Кастус располосовал его десятками карт, не оставляя на теле живого места.

— Благодарю, господин! Вы прикрыли мне спину, — радостно отозвался фокусник.

Бой кончился так же быстро, как и начался. Среди затихших тел Эхрос заметил движение. Последний выживший,

чей плащ был изорван в клочья, пытался отползти, оставляя на траве медный след. Его лицо превратилось в месиво из ссадин, порезов и запекшейся крови, а в глазах застыл животный ужас.

— Господин, к чему эта медлительность? — Кастус театрально приподнял бровь, поигрывая окровавленной картой. — Хотите растянуть финал и насладиться каждой секундой этого шоу?

Эхрос не ответил. Резким рывком он сократил дистанцию, сгреб культиста за шиворот и вздернул вверх, ставя на ноги. Грубо схватив его за подбородок, он заставил везунчиков смотреть себе в глаза.

— Слушай меня внимательно, фанатик, — голос Эхроса был сухим и холодным, как треск ломающегося льда. — Я щажу тебя. Но только для того, чтобы ты передал храму одно сообщение: сколько бы отрядов не было послано, все они будут разгромлены. Оставьте нас в покое.

Он разжал хватку и культист, едва коснувшись земли, сорвался с места. Бедолага мчался сквозь чащу, не разбирая дороги, будто смерть дышала ему в затылок.

— Дерзко, господин лидер! — Кастус расплылся в широкой искренней улыбке, в которой больше не осталось тени

пренебрежения. — С каждой минутой ваше представление становится все захватывающее.

— Этой бойней мы лишь показали свою серьезную опасность для культа, — холодно констатировал Хрон, провожая беглеца взглядом пульсирующих звезд. — Культ не оставит нас, он пошлет Карателей на зачистку.

Последние слова часовщика прозвучал словно судейский молот в пустом зале, разжигая в путнике маленький огонек страха.

Эхросу отчаянно хотелось тишины. «Что ни глава моей истории — то бой или что-то похуже», — горько пронеслось в мыслях. Молча парень направился смывать кровь, пока спутники скрывались в шатре.

Дорога сквозь лес, к ручью была наполнена тихой злобой. Место для умывания он заметил еще во время «охоты», когда волею рока едва не рухнул в овраг. Там, за стеной деревьев, пряталась природная чаша с голубоватой, слабо светящейся водой. Эхросу хотелось не просто умыться и смыть кровь — ему нужно было забыться, смыть с себя липкие образы ночного унижения.

Сбросив рваную брезентовую куртку и ботинки, он це-

ликом окунулся в заводь. Вода оказалась ледяной. Обжигающий холод мгновенно прошел тело, в ушах заложило от давления. Жидкость была странной, слегка склизкой, а на дне, покачиваясь, распускались синие светящиеся цветы. На разум наступило странное облегчение. Мысли о мучительной смерти отступили, сменившись звенящим спокойствием. Медь в венах начала медленно прогреваться, не давая телу замерзнуть, а озерная слизь приятно пощипывала раны, заживляя из прямо через эфирную корку. «Стоит лишь возжелать...» — вновь донеслось из самых глубин сознания.

Выбравшись на берег, Эхрос замер, пораженный странным зрелищем. Его медная кровь, попавшая в заводь, не растворялась и не оседала на дно. Напротив — она пульсировала на самой поверхности, собираясь в живые кольца, которые медленно сходились к центру бассейна. Словно незримый магнит тянул их в ту точку, где концентрировалась необъяснимая энергия.

Эхрос присмотрелся: в самом центре пульсация была настолько сильной, что вода шла частой мелкой рябью, будто там, в глубине, что-то дышало. Он снова нырнул. Внизу, в призрачном мареве неоновых цветов и угольно-черного песка, разгоралось иное, хищное свечение.

Парень устремился ко дну. Чем глубже он опускался, тем

отчетливее видел «мертвую зону»: несколько идеально ровных концентрических кругов из черного песка. Внутри этих колец не росло ни единой травинки, не было ни одного свещающегося цветка — лишь голая, выжженная пустота дна.

В самом центре этих кругов покоился он. Кристалл был неправильной рваной формы, словно застывший осколок грозового неба. Фиолетовые грани прорезали крупные латунные жилы, а в самой глубине камня переливалась густая вязкая тьма. «Эфискур», — гулким эхом отозвалось в сознании, когда пальцы коснулись кристалла.

Эхрос мертвой хваткой вцепился в камень и рванулся вверх. Он тяжело выбрался на берег, сжимая в кулаке пульсирующий холод эфискура — свою будущую силу. Вода стекла с его тела медными струями, но он не чувствовал холода — лишь дикое, первобытное торжество. Стоило ему опуститься на колени, чтобы перевести дух, как пространство перед ним вновь пошло рябью. Воздух сгустился, запахло озоном и старой медью, и над кромкой воды медленно, с леденящим душу безразличием, распахнулся Эфирный Глаз. Его зрачок, бездонный и бесконечный, зафиксировался прямо на лице Эхроса.

— Ты нашел его, — голос в голове зазвучал тише, вкрадчивее, в нем слышался рокот далекой бури. — Но кристалл

— лишь материал. Твоя сила и воля — вот кузнецы, что выкуют тебе артефакт.

Эхрос замер, не смея пошевелиться. Взгляд Глаза прошивал его насквозь, вытягивая наружу все затаенные обиды и горечь последних часов.

— Тебя травили как зверя, — продолжал голос, и в каждом слове сквозил дурманящий яд. — Тебя заставляли ползать в грязи и молить о пощаде. Те, кто называют себя твоими спутниками, лишь ждали момента, когда ты сломаешься. Хочешь ли ты оставить это без ответа?

Эхрос невольно сжал кулак. Острые грани эфискура впились в ладонь, окрасив кристалл медью.

— Грядет новая ночь, — сладостно прошептал Глаз, и его зрачок расширился, заполняя собой все видение. — Начни же свою игру. Переверни монету их торжества на обратную сторону. И пусть охотники сами узнают вкус страха. Отомсти, Эхрос. Покажи им, что бывает, когда жертва обретает клыки. Теперь они — добыча в твоих руках.

Глаз резко схлопнулся, оставив после себя лишь звон в ушах и быстро рассеивающуюся на воздухе фиолетовую дымку с красными просветами. Эхрос поднялся на ноги. Он по-

смотрел на кристалл: теперь латунные жилы внутри него светились яростным, недобрым светом, а некогда мирно переливавшаяся внутри камня тьма превратилась в вихрь.

— Добыча в моих руках, — оскалившись, сказал Эхрос, сильнее сжимая кулак.

Он скользнул к лагерю бесшумной тенью. Костер почти прогорел, превратившись в россыпь багровых еле светящихся углей, напоминающих затухающие глаза зверя. В шатре замерли Кастус и Хрон; их дыхание было слишком мерным, слишком контролируемым — так спят хищники, готовые к прыжку в любой миг. Скрыв пульсирующий эфискур под лохмотьями куртки, Эхрос ушел в самую густую темень у края поляны. Он упал на колени и, стиснув зубы от предвкушения боли, пропустил первый импульс эфира через кристалл.

Реальность вокруг надломилась. Тьма леса разверзлась, и в воздухе, словно рваные прорези в ткани пространства, стали открываться десятки эфирных глаз. Они окружили Эхроса живым мерцающим куполом, отсекая его от внешнего мира. Каждый зрачок был прикован к нему, создавая тишину столь абсолютную, что в ней отчетливо слышался лишь бесшумный, загнанный стук его собственного сердца. В центре этого глазного кокона, прямо перед лицом Эхроса, распах-

нулось огромное бурое око. Стоило их взглядам пересечься, как сознание Эхроса будто вырвало из тела.

Его накрыла удушливая белизна. Эхрос видел мир глазами Мезеля, стоящего за бронированным стеклом наблюдательного поста. По ту сторону, в стерильном боксе, его отец — главный ученый первой экспедиции — методично вскрывал вены очередному «образцу». Подопытный хрипел, его пальцы скребли по металлу стола, но отец даже не смотрел своей жертве в лицо. Его интересовали лишь показатели на мониторах, результат эксперимента и, как казалось молодому ученому — агония подопытного.

— Смотри внимательнее, сын, — раздался в памяти голос отца, сухой и лишенный жалости. — Мир — это пастбище. Есть те, кто рожден быть жертвой, и те, кто рожден убивать их. Гуманность — это лишь сказка для овец, чтобы они не разбегались, пока волки выбирают, кто пойдет на убой сегодня.

Мезель смотрел на свои руки — длинные тонкие пальцы будущего творца, которые пока еще только сжимали край пульта. Внутри будущего наместника Абскуриума закипала не просто ненависть, а глубокое отвращение. Он видел, как эти «волки» в белых халатах упиваются своей силой, считая слабость других оправданием для любых зверств. Для них

верхний мир был идеальной фермой, где страх служил лучшей оградой.

«Вы называете себя волками? — холодная мысль Мезеля резанула сознание Эхроса. — Нет. Вы просто стервятники, пирующие на тех, кто не может дать вам отпор. Вы создали мир, где клыки — единственный пропуск к жизни. Что ж... если этот мир понимает только язык хищников, я стану самым страшным из них. Я обрету такие клыки, от одного вида которых ваши стаи будут скулить в ужасе. Чтобы спасти стадо, нужно не просить волков о милосердии — нужно вырвать им клыки живьем»

Эхрос чувствовал, как эта философия «справедливого тирана» прошивает его насквозь. Мезель не хотел быть овцой и не хотел быть таким «волком», как его отец. Он решил стать пастухом, который держит в руках каленое железо, готовый выжечь любую заразу ради будущего спокойствия тех, кто слаб. Каждая судорога подопытного за стеклом отдавалась в Мезеле тяжелым, гулким ударом — так в кузнице его души выковывалась воля к абсолютному правлению.

Эта воля, еще мгновение назад бывшая лишь искрой праведного гнева, вдруг обрела ледяную плотность. Пространство перед глазами Эхроса подернулось маревом, и тяжелый скулеж подопытного сменился пронзительным механи-

ческим писком медицинской аппаратуры. Мысль о «каленном железе» материализовалась: теперь Мезель не просто наблюдал — он действовал.

Отвращение к отцу-палачу вытолкнуло его из оцепенения. Тишина наблюдательного поста взорвалась звоном разбитого стекла. Мезель больше не был зрителем в этом театре жестокости; он решил сам переписать сценарий, вырвав у «волков» их главное сокровище. Стерильная белизна лаборатории залилась тревожным красным светом сирен. Молодой ученый стоял перед разбитым сейфом, сжимая в руке инъектор с нестабильным, переливающимся иссиня-черным составом — сывороткой, которую его отец выжимал из сотен жизней.

Мир пульсировал в ритме захлебывающегося сердца. Эхрос чувствовал, как под кожей Мезеля закипает не просто сила, а раскаленный свинец ненависти. Игла вошла в вену с тихим сухим хрустом. Секунда тишины — и реальность раскололась. Мезель упал на пол, выгнулся дугой, его крик перерос в ультразвуковой дребезг, от которого лопались колбы и мониторы, осыпая пол острыми осколками. Человеческая кровь внутри него кипела, выжигая сосуды утробным гулом превращаясь в живую медь.

— Сын! Прекрати! Это... это собственность лаборатории!

— Голос отца, стоящего за пультом, дрожал от жадности, перекрывающей его страх.

Мезель медленно поднялся. Его движения стали ломаными, сверхъестественно быстрыми. Взгляд залитых медью глаз, лишенных радужек, впился в старика.

— Ты учил меня, отец, что сильные едят слабых, — голос Мезеля теперь напоминал скрежет металла по металлу. — Спасибо за урок. Я усвоил его слишком хорошо.

Рывок. Расстояние в десять метров Мезель преодолел за мгновение, превратившись в размытую тень. Прежде чем отец успел вскрикнуть, Мезель вцепился пальцами в его плечи и, подавшись вперед, с влажным хрустом зубами впился ему в горло, вырывая кусок плоти. Хлынул фонтан горячей ярко-красной крови, заливая лицо Первого Эфирнита и его некогда белую лабораторную робу. Мезель выплюнул кусок плоти прямо под ноги умирающему родителю и отпустил обмякшее тело, глядя, как тот зажимает рану, из которой вместе с жизнью уходит его бывшая власть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.